

Н. В. Котрелев

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ (очерк источников)

Общеизвестно, что Вячеслав Иванов перевел стихотворение Джакомо Леопарди «L'infinito» и, под заглавием «Бесконечное», включил его в свою вторую книгу «Прозрачность» (1904), поместив среди оригинальных пьес (ни в одном из сборников Иванова переводы не выделялись в особый раздел). Известно и то, что в третью книгу, «*Cor ardens*», Иванов поместил стихотворение, озаглавленное цитатой из Леопарди – «*Assai palpitasti*»¹. В истории русского Леопарди эти факты обеспечили Вячеславу Иванову только проходные упоминания². В богатой ивановиане (которая очень скоро станет, увы, необозримой) сколько-нибудь пристального внимания к теме «Иванов-Леопарди», кажется, заявлено не было. Надеюсь, что нижесказанное представит «*caso Leopardi*» весьма важным предметом для интересующихся творчеством Вячеслава Иванова.

¹ *Иванов Вяч. Cor Ardens*. М.: Скорпион, 1911. <Ч. 1>: *Speculum Speculorum*. Эрос. Золотые Завесы. С. 13–14. – Обратим внимание на то, что обращение к собственному сердцу русского поэта едва ли не поэмично по отношению к тому, что говорит своему сердцу итальянский поэт. У Леопарди надгробный приговор сердцу успокоиться горьким и гордым презрением к миру; у Иванова – мольба к страдавшемуся сердцу воскреснуть, воссиять солнцем. Заметим также, что «сердце» ивановского стихотворения живет и умирает в христианском пространстве (на самом внешнем плане достаточно указать на первое обращение: «сердце богомольное», а далее – «схима», «распятое»). Всё это тем более важно, что стихотворение с отсылкой к Леопарди включено в центральный, по сути дела, заглавный цикл книги, ее открывающий и воплощающий основную мифологию Вячеслава Иванова – «Солнце-Сердце». Вячеслав Иванов переориентирует, переакцентовывает лирику Леопарди, связывает с христианским миром.

² *Gelli Mureddu D. Leopardi in Russia: traduzioni, interpretazioni e influenze // Russica romana*. Roma, 1995. V. II. P. 111–137; затем: *Джелли Муредду Д. Судьба Леопарди в России*. М., 1999. С. 44, 45. – Сравнительно много места уделено Иванову работе: *Лебедева Н. С. Леопарди в России: Рецепция на рубеже XIX–XX веков*. Дисс. ... к. филол. н. / Нижегородский гос. лингвистический ун-т. М., 2006 (РГБ. – 61:06-10/635); специально о переводе «L'infinito» – с. 116–123; к сожалению, в том, что говорится об Иванове в этой работе, недопустимое количество элементарных фактических ошибок.

1.

Помимо «L'infinito» Иванов перевел первые восемнадцать с половиною строк (из 173) знаменитых «Le ricordanze»:

Воспоминания
(Из Леопарди)

Vaghe stelle dell'Orsa...

Медведицы блуждающие звезды!
 Не думал я, что вновь над отчим садом
 На пламень ваш привычно загляжуся,
 Вновь с ним начну безмолвную беседу
 Под кровлей, где промчалось мое детство
 И умерла так рано моя радость.
 О, сколько дум и образов и сказок
 Рождалось во мне при свете вашем
 И спутников лучистых ваших, – в пору,
 Когда без слов, на травяном пригорке
 Я проводил полночь, созерцая
 Звезды небес, прислушиваясь к пенью
 Лягушек на равнине отдаленной...
 Бродил светляк по кустовым оградам
 И по лугам; от ветра шелестели
 Душистые аллеи, кипарисы
 Соседних рощ; а под отцовской кровлей
 Все слышались сменявшиеся речи
 И хлопоты спокойные прислуги.....

Октябрь. 87¹

¹ РГБ. Ф. 109.1.33. Л. 22. – Необходимо охарактеризовать рукопись, из которой мы печатаем фрагмент.

Это самодельная тетрадь в четверку (25 лл. 20,9 × 16,6 см). Сшита вручную из двойных листов писчей бумаги, предварительно сфальцованных и разрезанных. Вероятно, тетрадь изготавливалась постепенно – бумага разносортная, по крайней мере, последние два листа (л. 22–23) – значительно более плотные, лощеные. Такого рода тетради собственного производства были в большом ходу у Иванова в его ранние годы, их стандартное археографическое описание (учитывающее физический размер, качество бумаги, шитье и т.п.), нужно надеяться, позволит

Автограф этого перевода мы находим в тетради, которую заполняют стихотворения и проза, относящиеся к самому первому периоду жизни Иванова в Германии, когда он жадно насыщался немецкой культурой; немецкая тематика может представиться доминирующей в произведениях 1887 г. – ср. заключение Майкла Вахтеля¹. Тем интереснее появление в этом окружении переводов из Леопарди.

Важно заметить, что первое упоминание (из мне известных) о Леопарди встречается в ивановских документах задолго до осени 1887 г. Еще 15 февраля 1887 г. А. М. Дмитриевский (зять Иванова, оказавший, по собственному признанию поэта, в молодые годы огромное на него влияние) писал в Берлин: «Стихотворения Леопарди мне очень нравятся. Я видел в магазине перевод Neuse, но побоялся купить, не зная, каков перевод. Итальянским и английским я совсем не занимаюсь»². Это, несомненно, ответная

Бюст Дж. Леопарди работы Дж. Монтеверди, 1898 г.

уточнить и конкретизировать наши представления об истории ивановского текста. Титульного листа у тетради нет, но, скорее всего, когда-то он был: первое произведение начинается без спуска, практически от верхнего обреза листа, т.ч. позднее вписанный эпиграф (вероятно, ко всей тетради в целом – он вписан выше заглавия первого произведения) должен был быть именно втеснен на небольшом свободном месте; важно еще и то, что именно в первой тетради мы констатируем утрату первого листа.

Чернила. Первые стихотворения представлены аккуратными беловыми копиями, по всей видимости, тетрадь должна была стать хронологически упорядоченным собранием лирики 1887 г.; но рукопись скоро превратилась из итоговой, парадной в рабочую, поэт начал править и отрабатывать текст прямо в тетради – такова судьба большинства дошедших до нас ранних «сборников» Вячеслава Иванова.

¹ «Русский Фауст» Вячеслава Иванова / Публикация М. Вахтеля // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 12. С. 265–273, специальный образом, об интересующей нас тетради – с. 266.

² РГБ. Ф. 109.18.3. Л. 17 об. – В подлиннике достаточно надежно читается «Neuse», но это несомненная описка, речь может идти только о немецком пере-

* Последние одиннадцать строк стихотворения подверглись существенной переработке. Вот их первоначальный вариант: «[Далеко(?)] Даль без границ за изгородью терна, / Глубокий мир, молчанье неземное / Стремится мысль проникнуть, и на сердце / Находит страх. И вот слетает ветер / И шелестит терновник: звук минутный / <Нрзбр. – перекрыто правкой, но несомненно, тут должен был читаться союз И> тишину, что длится бесконечно, / Сравнив, в душе я вспоминаю вечность, / И времена умершие, и время / Живущее – с их шумом. Забываясь, / Так тонет мысль все глубже в беспредельном, / И утопать мне сладко в этом море.»

В строке «Сравнив в душе, я вспоминаю вечность» в какой-то момент обсуждался вариант «воскрешаю вечность», но уже при правке карандашом (см. чуть ниже) было восстановлено первоначальное чтение. Вся принятая правка была сперва проведена карандашом, а затем обведена чернилами. Единственно невостробованным осталось предложение читать: «И вот слетает ветер || Терн шелестит» – слова «Терн шелестит» чернилами не обводились.

** РГБ. Ф. 109.1.33. Л. 8–8 об. – По всей видимости, на этот автограф указывал Р. Е. Помирчий: «Беловой автограф РГБ с подзаг.<оловком> “(Из Леопарди)”, с датой: 13 октября 1887, с вар.<иантами>», но, по катастрофической традиции замечательной «Библиотеки поэта», он не дал археографической ссылки, при этом и разночтения не были приведены (см.: *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия / Сост., подгот. текста и примеч. Р. Е. Помирчого; Вступ. ст. А. Е. Барзаха. В 2-х кн. М., 1995. Кн. 2. С. 286.

Верные сведения о дате первоначальной версии перевода появились в комментариях к одному из изданий лирики Леопарди, где в основном тексте дан перевод Анны Ахматовой, а для сравнения помещен и перевод Вячеслава Иванова, по «Прозрачности» и с двойной датировкой «1887, 1904», при этом оснований для датировки не сообщено (*Леопарди Дж.* Избранные произведения / Пер. с итал.; сост. и вступ. ст. Н. Томашевского; Комментар. Н. Томашевского и С. Ошерова. М., 1989. С. 287. Десять лет спустя другой комментатор, также воспроизводя печатный текст ивановского «Бесконечного» «для сравнения с современным прочтением» (т.е. с переводом Анны Ахматовой), писал: «Это стихотворение часто переводилось в России, дважды к нему обращался Вячеслав Иванов» (*Леопарди Джакомо.* Стих итальянский напоен слезами: Стихотворения / Сост. Д. Джелли Муредду и А. Б. Махов; Вступ. слово Ю. М. Лужкова. М., 1998. С. 194); источником сведений о двойном обращении поэта к стихотворению Леопарди, по всей вероятности, послужила только что процитированная двойная дата в примечаниях Н. Томашевского и С. Ошерова. В работе 1995 г. Gelli Mureddu D. Leopardi in Russia – цит. (прим. 2), р. 115 – исследовательница дает верные временные сведения и даже определяет соотношение версий («La traduzione è del 1887, con modifiche apportate nel 1904»), но в указанном ею источнике (см.: *Иванов Вяч.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. С. С. Аверинцева; Сост., подгот. текста и примеч. Р. Е. Помирчого. Л.: Советский писатель, 1978. С. 506) ничего подобного не сообщается; позже, из русского варианта работы коллеги интересующие нас сведения сняла (см.: *Джелли Муредду Д.* Судьба Леопарди в России. М., 1999. С. 44–45).

*** Иванов Вяч. Прозрачность: Вторая книга лирики / Обл. Н. Феофилактова. М.: Скорпион, 1904. С. 16.

Этот текст извлечен из тетради, собравшей итоги ивановского стихотворства 1887 г. (см. выше). Поэт постоянно пересматривал корпус своей лирики, многократно переоценивал пьесы, отработывая композицию мыслимого целого, которое некогда должно было представить читателю; в этом процессе многие вещи выбраковывались, навсегда теряли актуальность. Но «Бесконечное» было Иванову важно. В тетради, в свое время задуманной как парадное собрание лирики¹, перед первым занесенным в нее стихотворением 1888 г. и после стихотворения, датированного сентябрем 1887 г., появляется, как запись для памяти, список опущенных пьес осени 1887 г., где значатся, между прочими: «Бесконечное – Из Леопарди. Воспоминание (<также(?)>) || 13 окт. 87 г.»². «Воспоминание» навсегда остается за бортом собрания, но белой автограф стихотворения «Бесконечное» появляется, со своей датировкой – «13 Окт.<ября 18>87» – замыкая этапное собрание стихотворений, в самом конце тетради, уже после пьес, помеченных осенью 1890 г. Текст этой копии практически не отличается от воспроизведенного нами по более ранней рукописи³.

Уже при беглом сравнении вариантов 1887 и 1904 гг. видно, как разительно изменился стилистический регистр сочинения, юношеский текст предстал произведением «зрелого Иванова». Разумеется, мы легко узнаем в позднейшей версии приметы стиля старших символистов – З. Гиппиус, Д. Мережковского, К. Бальмонта: прежде всего – скопление абстрактных «беспредельность», «вечность», «неизмеримость», рядом – «край последних отдалений» (впрочем, мотивированных оригиналом – см. ниже). Бросаются в глаза соб-

¹ Подробнее см.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов и Вл. Соловьев (заметки к проблеме понимания мистического дискурса) // На рубеже веков: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. В. Багно, Дж. Малмстад; Редактор М. Маликова. М.: Новое литературное обозрение; СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 2009. С. 333.

² РГБ. Ф. 109.1.27. Л. 12. – Возможно, первые три заглавия списка, в т.ч. интересующие нас, записаны Д. М. Ивановой, женой и советницей поэта.

³ РГБ. Ф. 109.1.27. Л. 51 об. – Между двумя автографами незначительные пунктуационные различия. В позднейшем подзаголовке взят в скобки: (Из Леопарди); в восьмой строке вместо точки – троеточие: Находит страх...; тринадцатая строка имеет вид: [Живущий] Живущих век, – и шум веков летучий.

ственно «вячивановские» «тёрен, отеснивший», «ветр шуршащий оторнул заросль» и т. п. Интереснее другое. Перевод в некоторых точках «приблизился» к оригиналу, так что можно сказать, пожалуй, что усложненный поэтический язык поэта «Кормчих звезд» и «Прозрачности» позволил принять нетривиальные переводческие решения, вводящие в русский текст формы, русскому языку непривычные и даже чуждые, экстравагантные, но точно передающие словесную ткань итальянского подлинника. Вместо пересказывающего «даль без границ» появляется «беспредельность пространств» во множественном числе, отвечающая множественности «*interminati spazi*»¹. Еще необычной множественное «безмолвий нечеловеческих». При этом происходит несколько взаимосвязанных словесных перестановок, затрагивающих самые разные планы текста: «*sovrumani*», с его пространственной приставкой «сверх-», переведено как «нечеловеческие», где пространственная компонента потеряна; однородный член предложения «*profondissima quiete*» – «глубочайший покой» – своим определением в итальянском тексте выстраивает смысловую вертикаль «вверху-в глубине», «*sovra-sotto*», и «сверхмирный» означает это измерение в переводе; при этом осовождается, как словесный ресурс, определение покоя «глубокий», но оно возвращается определяемому в десятой строке: «*quello infinito silenzio*» = «ту тишину глубокого покоя». Архаическое полногласие «вспомню вечность» в будущем времени (о чем ниже) позволяет сэкономить слог (по сравнению с «вспоминаю» 1887 г.) и ввести в строку двусложный «голос» («*voce*» подлинника) на месте раннего «звук», тогда как высвобожденный, в свою очередь, «звук» дает возможность удалить немотивированный оригиналом «шум» в тринадцатой строке. Особенно интересно как-будто бы диковинное «впечатлеваю в дух»: Иванов выявляет внутреннюю форму итальянского глагола «*fingerе*», в итальянском языке его значения связаны

¹ Текст Леопарди привожу по изданию: *Leopardi G. Canti / Introd., note e commenti di F. Bandini. Milano: Garzanti, 1999. P. 119–120.* – Мне не известен ивановский источник итальянского текста; надеюсь, использование в качестве референтного материала современной авторитетной с текстологической точки зрения рецензии «Песен» Леопарди, неоднократно перепечатававшейся с 1975 г., не подвергает серьезному риску достоверность моих выдержек.

с деятельностью фантазии («придумывать», «воображать», «имитировать», «подделывать» и т.п. производные по смыслу действия), но первыми значениями этого глагола в латинском языке было «прикасаться пальцами», «формовать, лепить» и т.п. Оживляя заснувший в этимоне смысл переводимого слова, Иванов, можно сказать, жестко интерпретирует Леопарди, ограничивает пучок возможных соответствий: пространства и безмолвия, о которых поэт говорит «*mi fingo*», можно понимать как его исключительно «представление», игру фантазии (и тогда финальное сладкое крушение есть ни что иное как погружение в собственные мечтания); ивановское «впечатлеваю» означает волевою и контролируруемую интериоризацию объективно, вовне данного, работу по воспитанию, образованию, устройению (*Bildung*) собственного духа (заметим попутно, что Иванов структурирует личность – выделяет в нем дух, к чему оснований в переводимом тексте нет).

Стихотворение Леопарди состоит из четырех фраз. Первая – вводная пейзажная рамка, определяющая «здесь и всегда (в т.ч. сейчас)», место героя в мире. Каждая из трех остальных представляет собою описание моментов душевного/духовного опыта, которые последовательно выявляют рефлексию и утверждающее принятие этого опыта («*Così tra questa || immensità s'annega il pensier mio || e il naufragar m'è dolce in questo mare*»). В каждой из трех фраз мы видим слово, отсылающее к несоизмеримости внешнего мира конечному человеческому существованию: «*interminati silenzi*» (безграничные молчания) – «*infinito silenzio*» (бесконечное молчание) – «*questa immensità*» (эта безмерность); все три слова связаны между собою морфологическим подобием – у всех трех одна и та же отрицательная приставка *im/in-*¹. В первых двух фразах беспредельное-беско-

¹ Поскольку эти слова описывают качества одной и той же реалии и, по сути дела, в одном и том же аспекте, они могут быть взаимозаменяемы – в одной из рукописей, содержащей окончательный текст стихотворения, Леопарди зачеркивает слово *Immensità* и вставляет *Infinità* (см. факсимиле в кн.: Штейн Вл. Граф Леопарди и его теория *infelicità*: Литературный очерк. СПб., 1891 (Тип. и фототипия Штейна). – Вклейка между стр. 58 и 59). – В окончательном тексте читается *Immensità* – по всей вероятности, морю правдоподобнее, убедительнее уподобляется не *infinito* (не получивший предела, неограниченный), а то, что *immenso* (огромный), *immensità* сохраняет в себе признаки пространственности, указание на

нечное предстает прямым дополнением, как нечто предлежащее рассказчику, в третьем неизмерно-великое уже – обстоятельство места, охватывает и поглощает его. В раннем варианте Иванов воспроизводит формальные признаки этой структуры: «даль без границ» – «ту тишину, что длится без предела» – «всё глубже в беспредельном». В окончательном тексте только в первой (не считая заставку) фразе калькируется отрицание: «беспредельность» (и даже усиливается за счет «безмолвий»), во второй отрицания нет вообще, а в третьей фразе представлено синонимичным «в неизмеримости», так что словообразовательное подобие теряется. В результате повышается семантическая нагрузка на заглавие. По всей видимости, не случайно для заглавия выбрано существительное среднего рода. Собственно говоря, словом «бесконечность» нужно было бы представить слово «*infinità*», если бы автор принял обсуждавшийся вариант (см. прим. 12). Выбор Иванова утверждает «бесконечное» как онтологически актуально-сущее (ср. «пережитое»¹, «целое», «приданое» – всё «*то, что*» есть).

Заметим еще одну структурную особенность ивановского текста – его глагольную организацию. «Я там сижу, гляжу» четвертой строки в первый момент не привлекает к себе, вероятно, особого внимания. Но когда с состоянием, описываемым этой глагольной парой, связывается будущее время, означающее начало действия в настоящем («и к сердцу близко || Приступит ужас»), текст ассоциируется с фольклорными и просторечными повествовательными моделями, тем более, выясняется, что это не случайная обмолвка, что в следующей фразе происходит то же самое: «сличаю в мыслях ... – и вспомню вечность». Настоящее время приобретает окраску неизбывно-длящегося («высоко сижу, далеко гляжу», «идет-бредет»), а будущее – мгновенного, взрывного начала, озарения. Эти фольклорные и разговорные обертоны амальгамируются с лексикой высокого стиля. Непоследовательность стилистических решений как будто бы даже подчеркнута употреблением знаменательно

способность поглощать, принимать в себя.

¹ Беззаконная ассоциация, пастернаковские страстно-имперские «Волны»: «Здесь будет всё: пережитое, || И то, чем я еще живу»... Мы имеем дело с архетипической ситуацией, «вековым прототипом».

русского ё («тёрен» во второй строке) – при том что в пятой строке читается «за терном»¹.

3.

Иванов не воспроизводит в своем языке исторически зафиксированную стилистическую систему итальянского поэта первой трети XIX в., а вызволяет некоторые общечеловеческие, надвременные смыслы, имманентно присутствующие в источнике. Чужой подлинник является именно источником смыслов, складывающих стихотворение Вячеслава Иванова. Происходит перестроение смыслов в пределах одного, единого текста, при этом переводчик остается, по исповеданию Иванова, верным духу обоих языков, главное – логике единого для обоих языков поля смыслов. Он любил говорить, что для художника закон – «творца безвольный произвол»; этот поведенческий императив описан (по другому поводу, но в нашем случае повод безразличен) самим поэтом: «“безвольный произвол” гения переступает пределы эмпирического дерзновения (по существу аналитического) и достигает свободы внутренней, или пророчесственной. Но эта, последняя, эманципация личного порыва есть, вместе с тем его безусловное отрешение от всего лично-волевого. Здесь свобода переходит в необходимость, произвол делается безвольным, пророчесственное дерзновение обращается в подчинение пророческое»².

Замечательный пример подобного постижения смысла и связанного с тем усвоения, апроприации его словесного оформления мы находим в обращении Иванова с финальной строкой «Бесконечного» и концентрированным в ней смысле стихотворения и духовного опыта Леопарди е/о Иванова.

Многokrатно в разных комментариях эти цитаты/автоцитаты бывали учтены. Но не все и без должного учета их важности. Расположим цитаты в их временном порядке.

¹ Ср. о вольном смещении славянизирующих и русских форм у Иванова: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея»: (из материалов к комментарию на корпус лирики) // *Scripta Gregoriana*: Сб. в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2003. С. 397–409.

² Статья «Копье Афины», 1904 см.: *Иванов Вяч.* По Звездам: Статьи и афоризмы / Рис. обл. М. В. Добужинского. СПб.: Оры, 1909. С. 49–50.

Самая ранняя – в статье «Ницше и Дионис» (начата в 1903, опубликована в 1904 г.), которую Иванов мыслил как кристаллизацию всех его «Да и Нет ницшеанству» и потому готов был предложить для первого номера московских «Весов», нового журнала символистов, в качестве, вероятно, манифеста¹; это сочинение открывало первую книгу статей Иванова². Для нас статья сейчас интересна прежде всего тем, что в полемике с Ницше (часто вспоминаяшим то же самое стихотворение Леопарди) Иванов дает свою интерпретацию опыта, запечатленного стихотворением, приводимый ниже пассаж можно назвать метаописанием «L'infinito» Леопарди:

Равно дионисийны пляски дубравных сатиров и недвижимое безмолвие потерявшей во внутреннем созерцании и ощущении бога мэнады. Но состояние человеческой души может быть таковым только при условии выхода, иступления из граней эмпирического я, при условии приобщения к единству я вселенского в его волеии и страдании, полноте и разрыве, дыхании и воздыхании. В этом священном хмеле и оргийном самозабвении мы различаем состояние блаженного до муки переполнения, ощущение чудесного могущества и преизбытка силы, сознание безличной и безвольной стихийности, ужас и восторг потери себя в хаосе и нового обретения себя в Боге, – не исчерпывая всем этим бесчисленных радуг, которыми опоясывает и опламечает душу преломление в ней дионисийского луча.

Музыкальная душа Ницше знала это “как”. Но его другая душа искала вызвать из этого моря, где, по выражению Леопарди, “сладко крушение”, ясное видение, некоторое зрительное *что*, потом удержать, пленить его, придать ему логическую определенность и длительную устойчивость, как бы окаменить его.

Психология дионисийского экстаза так обильна содержанием, что зачерпнувший хотя бы каплю этой “миры объемлющей влаги” уходит утоленным. Ницше плавал в морях этой живой влаги – и не захотел “сладкого крушения”. Выплыть захотел он на твердый берег и с берега глядеть на волнение пурпурной пучины. Познал божественный хмель стихии и по-

---

¹ См. письмо Иванова В. Я. Брюсову от 21 ноября / 4 декабря 1903 г. (Брюсов В. Я. Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903–1923 / Предисл. и публикация С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 442. – Ср. весьма информативный комментарий В. В. Сапова: *Иванов Вяч. II. По звездам; Борозды и межи / Вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. М., 2007. С. 734, 738–739.*

² *Иванов Вяч. По Звездам, цит. (прим. 15), с. 1–20.*

терю личного я в этом хмелю – и удовольствовался своим познанием. Не сошел в глубинные пещеры – встретить бога своего в сумраке. Отвратился от религиозной тайны своих, только эстетических, упоений¹.

Иванов в произведении Леопарди видит ознаменование опыта, скрывающее «религиозную тайну», и никогда не говорит, познал ли эту тайну сам Леопарди. Поэтому любые упреки в том, что ивановское понимание Леопарди, пессимиста, исповедующего антихристианство, – неправомерно. В пространстве философии Иванова произведение описывает реальное, за которым, *через* которое можно постичь реальнейшее, а *realibus ad realiora*. Аналогично переосмысливает Иванов – Байрона, о чем писал С. С. Аверинцев: «В своей речи ... “Байронизм как событие в жизни русского духа” он <Иванов. – Н. К.> выказывает глубокое уважение к либерализму ... “Человек не должен быть рабом чужой личной воли в силу своей божественности: отсюда – проклятие тиранам. Но он не может быть и рабом множества: отсюда защита анархического своеволия против демократического принуждения.” Разумеется, эти две формулы даны как суммирование идей Байрона; однако Вячеслав Иванов включает их, по меньшей мере, как диалектический момент и в собственный ход мыслей»². Иванов переносит смысловой центр стихотворения Леопарди в «затекст», в имплицитное и присутствующее как вариант понимания. Для Иванова-переводчика важна верность не к прочитанному, а к испытанному. Поэтому он и мог вспоминать его при самых разных поводах, когда по необходимости заходила речь о дионисийском исступлении. Например, в важнейшей статье 1911 г. «Достоевский и роман-трагедия» (правдоподобным кажется, что не случайно и она открывает собою – вторую книгу эссеистики Иванова):

¹ *Иванов Вяч.* По Звездам, цит. (прим. 15), с. 8–9. – Эта цитата оговорена многократно: Р. Бердом (Переписка из двух углов / Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон; Подготовка текста, примеч., историко-лит. коммент. и исследование Р. Бёрда. М., 2006. С. 18); Н. С. Лебедевой (*Лебедева Н. С.* Леопарди в России, цит. – см. прим. 2, с. 122); В. В. Саповым (*Иванов Вяч.* По звездам; Борозды и межи / Вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М., 2007. С. 738–739).

² *Аверинцев С. С.* Разноречия и связности мысли Вячеслава Иванова // Лик и личины России: Эстетика и литературная теория / Сост., предисл., примеч. С. С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 21.

...не то важно, осудил ли он <Достоевский. – Н. К.> или нет и в какой мере осудил разумом свое прежнее самоопределение до каторги, признал ли себя в душе виновным или же осужденным невинно: важно одно, что он страстно пожелал освободиться от прежнего свойства своей личности и что насильственно наложенное на него обезличение помогло ему в его тайном деле жертвенного расточения души своей, позволило ему отторгнуться от своего я, внутренне умереть, экстатически испытать на деле, что значат слова Леопарди: “И сладко мне крушение в этом море”, и слова Гете: “Охотно личность согласится исчезнуть, дабы обрести себя в беспредельном, ибо в том, чтобы отдать себя без остатка, есть наслаждение”¹.

Чтобы вполне понятна стала важность апелляции к «Бесконечному», напомню, пусть и чрезмерно длинной выдержкой, о чем Иванов ведет речь:

...каждый волит и поступает так, как того хочет его глубочайшая, в Боге лежащая или Богу противящаяся и себя от Него отделившая, свободная воля, и кажется, будто внешнее поверхностное воление и волнение всецело обусловлены законом жизни, но то изначальное решение, с Богом ли быть или без Бога, каждую минуту сказывается в сознательном согласии человека на повелительное предложение каких-то бесчисленных духов, предписывающих ступить сюда, а не туда, сказать то, а не это. Ибо, при раз сделанном метафизическом выборе, поступить иначе, в каждом отдельном случае, и нельзя, сопротивление просто неосуществимо, а первоначальный выбор неизменен, если раз он совершился, так как он не в разумении и не в памяти, а в самом существе человеческого я, выбравшем для себя то или иное свойство. И только духовная смерть этого, усвоившего себе такое именно свойство, человеческого я может освободить его и от его свойства: тогда человек теряет душу свою, отпускает от себя душевный лик свой и забывает имя свое; он продолжает дышать, но ничего своего уже не желает, утонув в мировой или мирской соборной воле, в ней растворяется всецело и из нее мало-помалу опять как бы собирается, осаждается в новое воплощенное я, гость и пришлец в своем старом доме, в дождавшемся прежнего хозяина прежнем теле. Этот возродительный душевный процесс, на утверждении и предвкушении которого зиждилась в древности чистая форма Дионисовой религии и который составляет центральное содержание мистического нравоучения в христианстве, Досто-

---

¹ *Иванов Вячеслав*. Борозды и Межи : Опыты эстетические и критические. – М.: Мусагет, 1916. – С. 26. – Эта цитата учтена Н. С. Лебедевой (*Лебедева Н. С.* Леопарди в России, цит. – см. прим. 2, с. 122).

евский умел, насколько это дано искусству, воплотить в образах внутреннего перерождения личности, и всё же лишь так, что мы узнаем растение по плодам его, но из намеков на благодатную тайну сокровенного роста понять ее иначе не можем, как путем интуитивного вникновения, по малым и частным подобиям собственного сердечного опыта¹.

В 1917 г., за считанные дни до большевиков, в речи «Духовный лик славянства» Иванов развивает идею о дионисическом иступлении применительно к анализу уже коллективных личностей, народов романо-германских в сравнении со славянами, и снова символической формулой дионисизма звучит финал «Бесконечного»:

...Есть в душевной жизни, как и в высшей, благодатно-творческой жизни духа, двойственность полярных влечений, различать которые научила нас недавно седая древность, когда, после долгих веков, наконец мы целостно поняли, в каком смысле противопоставляли эллины Аполлоново начало началу Дионисову. “Единение, меру, строй, порядок, равновесие”, самодовлеющий покой завершенных форм противопоставляли они, как идею Аполлона, – “началу безмерному, подвижному, неустойчивому в своих текучих формах, беспредельному, страдающему от непрерывного разлучения с собою самим” (это был Дионис); “силы души сосредотачивающие, центростремительные – силам центробежным, разбивающим хранительную целостность человеческого я, уничтожающим индивидуальное сознание.”

Самоутверждение, как идею Аполлона, противопоставляли они Дионисову “выхождению из себя”, мистическому “восторгу и иступлению”; аполлонийское самосознание – дионисийскому самозабвению; овладение миром при посредстве познающего и устроительного разума – энтузиастическому растворению отдельного разума в разуме сверхличном, всеобщем, в одушевленном целом бытия вселенского; волю напечатлеть свое законодательное я на воске мировой данности – жажде наполниться вселенским дыханием, вместить в своей груди весь мир, как дар, и в беспредельном истаять, – ибо, по слову Леопарди о просторах Бога и вечности,

Так сладостно крушенье в этом море...²

¹ Иванов Вяч. Борозды и Межи, цит. (прим. 20), с. 25–26.

² Иванов Вяч. Родное и вселенское: Статьи: 1914–1916; 1917. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. С. 200–201. – Не знаменательно ли, что и на это раз статья с отсылкой к Леопарди занимает специальное место в книге – это замыкающая статья, последняя; разумеется, тут не было авторского умысла, а только указание судьбы. Внутри приведенного отрывка имеется большая заковыченная

Наконец, в знаменитой «Переписке из двух углов» Иванова с Гершензоном Иванов вспоминает «Бесконечное» без обозначенной связи с дионисизмом:

...Духовными должны быть слова-символы о внутреннем опыте личности и воистину чадами свободы. Как песня поэта не принуждает, но движет, так и они двигать должны дух слушающих, а не подчинять их убеждение, подобно доказанной теореме. Гордость и властолюбие – вина метафизики, вина трагическая, ибо, выделившись из лона целостного духовного знания, уйдя из отчего дома первоначальной религии, она неизбежно должна была восхотеть наукообразия и домогаться скиптра великой принудительницы – науки. И то умонастроение, какое вами в настоящее время так мучительно владеет, – обостренное чувство непомерной тяготы влекомого нами культурного наследия, – существенно проистекает из переживания культуры не как живой сокровищницы даров, но как системы тончайших принуждений. Не удивительно: ведь культура именно и стремилась к тому, чтобы стать системой принуждений. Для меня же она – лестница Эроса и иерархия благоговений. И так много вокруг меня вещей и лиц, внушающих мне благоговение, от человека и орудий его, и великого труда его, и поруганного достоинства его, до минерала, – что мне сладостно тонуть в этом море («*naufregar m'è dolce in questo mare*») – тонуть в Боге. Ибо благоговения мои свободны, – ни одно не обязательно, и каждое открыто и доступно, и каждое осчастлиливает мой дух. Правда, каждое благоговение, переходя в любовь, открывает зорким взглядом любви внутреннюю трагедию и вину трагическую во всем, отлучившемся от источников бытия и в себе обособившемся: под каждую розою жизни вырисовывается крест, из которого она процвела. Но это уже тоска по Боге – влечение бабочки-души к огненной смерти. Кто не знает этого основного влечения, тот, по правдивому слову Гете, другою, постылою тоскою болен, хотя бы не снимал с себя маски веселости: он «унылый гость на темной земле». Наша истинная свобода, наше благороднейшее счастье и благороднейшее страдание всегда с нами, и никакая культура у нас его не отнимет¹.

цитата – Иванов повторяет свои собственные слова из трактата 1903 г. «Эллинская религия страдающего бога» (Новый путь. СПб., 1904. Янв. С. 123). Это возвращает нас ко времени составления книги «Прозрачность», где появляется в печати «Бесконечное», и работы над статьей «Копье Афины», где впервые концептуализирован финал «L'infinito» – ср. сказанное в прим. 16; весьма вероятно, что это соположение не случайно.

¹ Переписка из двух углов / Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон; Подготовка текста, примеч., историко-лит. коммент. и исследование Р. Бёрда. М., 2006. С. 16–

И этого же письма можно извлечь слова Иванова, описывающие тот способ прочтения чужого текста, сообразно с которым «L'infinito» открылось для Иванова описанием дионисийского опыта преодоления личной отъединенности от Божественной Полноты:

Я привык бродить в “лесу символов”, и мне понятен символизм в слове не менее, чем в поцелуе любви. Есть внутреннему опыту словесное знаменование, и он ищет его, и без него тоскует, ибо от избытка сердца глаголют уста. Ничем лучшим не могут одарять друг друга люди, чем уверяющим исповеданием своих хотя бы только предчувствий или начатков высшего, духовнейшего сознания. Одного надлежит остерегаться: как бы не придать этим сообщениям, этим признаниям характер принудительности, т.е. не обратить их в достояние рассудка. Последний принудителен по своей природе; дух же дышит, где хочет. Духовными должны быть слова-символы о внутреннем опыте личности и воистину чадами свободы¹.

Мы пересмотрели ряд пространных, для вящей убедительности, цитат, возможно, не перебрав всех отсылок к «L'infinito» в текстах Вячеслава Иванова. В первой из них речь идет о множестве возможных переживаний, облекающих дионисийское исступление: «В этом священном хмеле и оргийном самозабвении мы различаем состояние блаженного до муки переполнения, ощущение чудесного могущества и преизбытка силы, сознание безличной и безвольной стихийности, ужас и восторг потери себя в хаосе и нового обретения себя в Боге, – не исчерпывая всем этим бесчисленных радуг, которыми опоясывает и опламняет душу преломление в ней дионисийского луча». Легко заметить, что со временем психологические частности остаются для Иванова за рамками разговора, в

---

19. – Ср. примечание Р. Бёрда: «Из стихотворения Джакомо Леопарди “Бесконечное” <...>»; прозаический перевод последней строки здесь близок к поэтическому переводу Иванова, напечатанному в сб. “Прозрачность” (Собр. соч. Том I. С. 743)» – цит. соч., с. 18. – «Переписка из двух углов» перепечатывалась так много, что ссылки на примечания к ней была бы излишне громоздки; ограничусь одной, ради ее невероятности ею сообщаемого: «Отметив небуквальность ивановской автоцитаты, В. В. Сапов продолжает: «Т. Макагонова (“Наше наследие”. 1989. № III (9), а вслед за ней и С. Б. Неволин (антология “Русские философы. Конец XIX – середина XX века”. М., 1993. С. 183) ошибочно приписывают эту строку Ф. Петрарке» (*Гершензон М. Избранное. Т. 4: Тройственный образ совершенства. М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim, 2000. С. 53*).

¹ Переписка из двух углов, цит. (прим. 23). С. 15.

центре внимания остается суть дионисийского очищения: «тонуть в Боге», «по слову Леопарди о просторах Бога и вечности». На самом деле, именно так, несомненно, понимал Иванов *«message»* стихотворения Леопарди изначально. Свидетельством в пользу подобного утверждения оказывается, например, пассаж из ранней статьи «Новые маски» (1904), где Леопарди не назван и литературный источник остается в подтексте: «Блаженные Франциск Ассизский и Клара, кажется, любили: и, взглянув один на другого, разошлись, чтобы потонуть в океане Любви божественной»¹.

* * *

Легко сказать, опираясь на тексты самого Леопарди и на исследовательскую традицию, что Вячеслав Иванов не понял итальянского поэта и мыслителя. Оговорюсь – я не ставил вопроса, «правильно» ли Иванов понимает великого предшественника. Я пытался обрисовать, *как* он его понимает².

А в заключение укажу на сходное прочтение Леопарди младшим современником Иванова. Н.С. Арсеньев показал весьма интересную параллель к «L'infinito» Леопарди – в описании того, как тонет в тишине тургеневский Лаврецкий («...где-то за крапивой... “вот когда я на дне реки,” думает он... тишина обнимает его со всех сторон...» и т.п.). К этому сопоставлению философ прибавляет замечание, никоим образом с приведенным соположением не связываемое, имеющее ввиду только итальянского поэта:

Леопарди считал себя атеистом. Он был несчастным и озлобленным человеком, исковерканным жизнью, и его теоретический атеизм соответ-

¹ Иванов Вяч. По Звездам, цит. (прим. 15), с. 63.

² Необходима еще одна оговорка: предложенное по необходимости ограничивается описанием самого поверхностного, по сути дела, слоя слов/смыслов. Здесь невозможно сколько-нибудь внимательно вникать в ивановское понимание дионисизма, поэтому оставим без внимания отождествление «questo mare» Леопарди/Иванова с «огненным морем религиозных экстазов», которое делает О. А. Шор (Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1971. Т. I. С. 64-65).

ствовал его озлобленно-протестующему отношению к тому жестоко-формалистическому быту, в котором он рос – по-видимому, без тепла и ласки, Но его душа жаждала Беспредельного – того, что выходит за пределы всех рамок земных, той Беспредельности, которая одна может утолить душу и о которой он говорит: “И сладостно тонуть мне в этом море”¹.

Буде зашла речь о христианизирующем истолковании Леопарди в кругу русских религиозных философов, противном доминантной историко-филологической традиции, заслуживает, полагаю, внимания неожиданное высказывание их вдохновителя и учителя. У Вл. Соловьева этот взгляд получает даже теоретическое (скажем, культурно-историческое) обоснование:

Владимир Сергеевич признавал мечты о всеобщем прогрессе и т.д., – свидетельствует В. Л. Величко, близко знавший Соловьева в последние годы его жизни, – бесполезными с точки зрения подъема человеческой энергии, но сам-то считал это вздором, противоречащим христианскому учению, которое находит, что мир «лежит во зле». Разговорившись однажды со своим приятелем, профессором А. А. Цагарели, о поэзии Леопарди, Вл. С. высказал это вполне определенно. Г. Цагарели выразил удивление по поводу того, что Леопарди, сын такой лучезарной и жизнерадостной страны, предается крайнему пессимизму; Владимир Соловьев отвечал: “Вы забываете христианство! Оно ведь глубочайший источник пессимистического взгляда на земные явления!”².

---

¹ *Арсеньев Н.* О красоте в мире. Сб. ст. Мадрид, 1974. С. 7–8 (см. также с. 134–135). Там же Арсеньев отсылает и другим параллелям – у М. Пришвина и у Г. Кузнецовой, несомненно, параллели можно нанизывать до бесконечности, в силу того, что рассматриваемая ситуация – архетипическая. Должно оговорить, что Н. С. Арсеньев в свое время специально занимался изучением Леопарди – см.: *Арсеньев Н. С.* Пессимизм Джакомо Леопарди (1798–1837). СПб., 1914 (Сенатская тип.). 79 с. – Извлечено из ЖМНП за 1914 г.

² *Величко В. Л.* Владимир Соловьев: Жизнь и творения, цит. по: Книга о Владимире Соловьеве / Сост. Б. Аверина, Д. Базановой; Вступ. ст. Б. Аверина; Комм. Д. Базановой, Е. Павловой. М., 1991. С. 55.

Рената Де Лоренцо

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ИТАЛИИ
В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.
СЕМЕЙСТВО ГОРЧАКОВЫХ-СОЛДАТЕНКОВЫХ В СОРРЕНТО

В середине 50-х гг. XX в. «князь Феликс Юсупов дал мой адрес французскому писателю Перфитту. Он позвонил мне по телефону. <...> Немного выпив аперитив дома, мы отправились ужинать в Трастевере, и во время ужина он расспрашивал меня о разного рода подробностях жизни графа Ферзена, которого знала еще девочкой¹. Я с интересом изучала лицо этого человека – оно было наполнено жизненной силой. Через несколько дней я покинула Рим, а некоторое время спустя полицейские агенты пришли ко мне с расспросами о причине его визита и осведомились, знаю ли я, куда он поехал дальше. Я ответила только, что он сейчас пишет книгу о Капри и его направили ко мне за информацией. Рассказав ему немало интересного, я порадовалась, когда он любезно прислал экземпляр своей книги² с личным посвящением мне и с замечанием, что моя мама в книге стала своего рода любопытной смесью двух личностей – ее собственной и моей»³.

Так русской аристократке, жившей в Италии в конце XIX – первой половине XX в., представился случай начать писать по-английски (с помощью ее друга актера Дэвида Монтрезора) свою автобио-

¹ См. о Ферзене прим. 26.

² Роже Перфитт (Peugefitte) – секретарь французского посольства в Афинах (1933–1938). В 40-х гг. был вынужден оставить дипломатическую карьеру по обвинению в коллаборационизме, впоследствии снятому. Перфитт привлек внимание широкой публики в 1944 г. своими кощунственными и порнографическими произведениями, по понятиям тех времен. В данном случае речь, вероятно, идет о его романе «L'Exilé de Capri» (Paris: Flammarion, 1959).

³ Autobiografia (машинописная рукопись). P. XVI/A. Текст хранится в частном архиве в Риме; напечатан на машинке на веленовой бумаге, разделен на главы, имеет форму повествования. Первые три главы переведены автором на итальянский, видимо с расчетом на публикацию.